

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Из истории современности

Конституционно-политический кризис в России 1993 г.
Хроника событий и комментарий историка

Исторические портреты

Николай Васильевич Устрялов

Историческая публицистика

Русский вопрос по Солженицыну

Англо-российский конфликт 1791 г.
“Очаковское дело”

Ревизия Казанского университета в 1819 г.

Студенческая “самопомощь”. Конец XIX – начало XX в.
Латыши в Москве. Вторая половина XIX в. – 1917 г.

Новые тенденции в изучении башкирского
национального движения в годы Гражданской войны

К вопросу о методах исследования нарративных текстов

Военно-историческая антропология –
новая отрасль исторической науки

Воспоминания

Как мы не написали последнюю “Историю КПСС”

июль
август

2002 * 4

И СНОВА О “ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗАВЕЩАНИИ” ПЛЕХАНОВА

Исполнилось 145 лет со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова. Сегодня интерес к его творчеству явно невелик. Это связано с многими обстоятельствами, в том числе и с тем, что взгляды и имя Плеханова как “основоположника марксизма в России” часто использовались для прикрытия некоторых модных политических идей. К его теоретическим аргументам апеллировал в свое время Ленин в борьбе с А. Богдановым за положение политического лидера большевизма до революции 1917 г. и идейного – в первые послеоктябрьские годы. Адепты Сталина широко использовали их, когда нужно было создать “целостную и стройную систему марксистско-ленинского мировоззрения”: большинство понятий диалектического и исторического материализма, политической экономии, теории государства, социалистической доктрины заимствовались из работ Плеханова (хотя параллельно шел процесс уничтожения Плеханова как теоретика, и на первый план выдвигался канонизированный образ Ленина – теоретика, политика, идеолога, а исподволь уже готовился сценарий “Сталин – это Ленин сегодня”). И публикация в 1999 г. документа, названного “Политическое завещание” Плеханова¹, напомнила о масштабах его идей, которые несправедливо квалифицируются сегодня многими как “антиквариат”. Плеханов был слишком крупной фигурой в социально-политической истории России, чтобы оставить без внимания его последнюю волю – волю политического деятеля, берущего на себя ответственность за поражение социал-демократической традиции в России. Своей жизнью, позицией, отношением к России, к революции Плеханов утверждал некий идеал – идеал независимости, свободомыслия, умения не подстраиваться под обстоятельства, быть верным идее, не гнущаясь перед авторитетом силы, власти, догмы.

Что касается текста, представленного как “Завещание”, то у исследователей сохраняются сомнения в его подлинности. Скорее в нем видят артефакт, допуская, что была некая компиляция из статей, опубликованных в парижском двухтомнике статей Плеханова “Год на Родине”, которая дорабатывалась для использования в полемике с троцкистами, а по прошествии времени этот текст стал восприниматься как “Завещание”. Важно и то, что представленный как последняя политическая воля Плеханова документ можно расценить как призыв и попытку артикулировать социал-демократический проект обновления России. Однако в нем Плеханов предстает как политик, усомнившийся не только в социалистическом будущем России, но и в перспективности самого социалистического сценария для России, написанного “по Марксу”. Размышляя о “Завещании”, Г.Х. Попов увидел его главную ценность для современной российской социал-демократии в выводах “о превращении интеллигенции в XX веке в ведущий класс общества со всеми вытекающими из этого вывода следствиями”². Но насколько соответствуют тезисы “Завещания” об интеллигенции логике и текстам известных ранее работ Плеханова? Попытаемся ответить на этот вопрос.

В России, как нигде, все революции связаны с интеллигенцией. Поэтому вопросы о роли интеллигенции в общественных трансформациях XX в., ее ответственности за судьбы Отечества и о потенциале интеллигенции как лидера и субъекта в процессе строительства демократической России и ныне остаются центральными в аналитическом дискурсе идейной и политической истории нашей страны. Если принять за условную точку отсчета появление сборника “Вехи” (1909) – одной из первых попыток систематизировать и критически проанализировать роль интеллигенции в радикальных преобразованиях российского общества, то оказывается, что и по прошествии более чем 100 лет вопрос о демократическом выборе отечественной интеллигенции остается открытым. Открытым не только в плане видения демократии, но и в плане обретения интеллигенцией собственной идентичности. Кем ощущал и ощущает себя русский и российский интеллигент – наемным работником умственного труда, технократом, творческим ремесленником, свободным художником, мыслителем-творцом и пророком, интеллектуальной элитой, политическим вождем? Множественность представлений свидетельствует о неоднозначности функций интеллигенции в общественной жизни России, о разнообразии ее ролей и масок в отечественной истории. Принципиально значимой с позиций сегодняшнего дня остается проблема участия и гегемонии интеллигенции в процессах революционных преобразований в России, и “Политическое завещание” Плеханова позволяет еще раз вернуться к ней.

В тексте “Завещания” говорится о том, что «анализ, сделанный в “Манифесте” (имеется в виду “Манифест коммунистической партии” К. Маркса и Ф. Энгельса. – *Е.Л.*), абсолютно верный для эпохи паровой индустрии, стал утрачивать свое значение с приходом электричества». В результате борьбы рабочих за экономические блага и политические свободы “капитализм, да и сам капиталист, стали меняться в лучшую сторону (не видят этого только большевики)”. Следовательно, крах капитализма – событие отдаленного будущего: “Потребуется для этого как минимум столетие, а возможно, и не одно”. “Диктатура пролетариата в понимании Маркса не осуществится никогда – ни сейчас, ни в будущем”, ибо развитие производительных сил в XX в. связано не с пролетариатом, а с интеллигенцией, становящейся в силу этого фактически главной общественной силой. “Она – честь, совесть и мозг нации”, и в ближайшем будущем трансформируется в особый, чрезвычайно влиятельный класс общества. При этом “возрастание роли интеллигенции в процессе производства неизбежно приведет к смягчению классовых противоречий”, ибо интеллигенция – носитель общечеловеческих ценностей, идей гуманизма.

Мощное развитие производительных сил поведет к тому, что по своему образованию, уровню культуры, “рабочий поднимется до уровня интеллигента. В такой ситуации диктатура пролетариата станет абсурдом”. Но автор “Завещания” не видит в этом отхода от марксизма. Он “уверен: при таком повороте событий сам Маркс, случись это при его жизни, незамедлительно отказался бы от лозунга диктатуры пролетариата”. Плеханов приходит к выводу, что по мере качественного изменения производительных сил “сложатся новые классы, новые производственные отношения, по-новому будет вестись классовая борьба”, идеи гуманизма глубоко проникнут во все слои общества. “Общество, останься оно даже капиталистическим, по сути, научится преодолевать кризисы”. Гуманные идеи и мощное производство нейтрализуют процесс пауперизации. “Капитализм – гибкая общественная формация, которая реагирует на социальную борьбу, видоизменяется, гуманизируется и движется в сторону восприятия и адаптации отдельных идей социализма... Могильщик ему не потребуется”. Возможные этапы капиталистической эволюции – хищнический национальный капитализм, хищнический международный, либеральный с элементами демократии, либерально-демократический, гуманно-демократический с развитой системой социальной защиты. “Капитализм может умереть сам, медленно и безболезненно... Лозунг новых революционеров? Диктатура интеллигенции? Власть трудящихся – вот лозунг, который не утратил своего значения и останется правильным!” При этом под трудящимися Плеханов понимал не только рабочих и крестьян, но и интеллигенцию³.

Принадлежит ли приведенный выше текст Плеханову? Возможно, потому что Плеханов представляет воззрения того поколения марксистских теоретиков, для которых еще не существовало законченной марксистской парадигматики социализма. Еще не сложились идеологизированные версии марксизма, сводившие смысл социальной революции в эпоху капитализма к установлению диктатуры партии и партийной бюрократии. Возможно, потому что российская модернизация виделась Плеханову как путь развития тех общественно-политических отношений, которые связаны с утверждением принципов экономической и социальной организации индустриальных социумов. Видя в социализме – новом качестве организации общества – средство самоосвобождения человека, Плеханов думал не столько о свержении капитализма, сколько о воздействии организованного рабочего движения на стихию исторического процесса ради проведения социальных преобразований в интересах трудящихся.

Однако другие аргументы говорят о том, что текст, представленный как “Политическое завещание”, вряд ли был продиктован самим Плехановым. Процессы становления и развития идей и понятий имеют свою собственную логику и историю, их можно проследить и трудно опровергнуть. И идеи гуманизации индустриального общества, примирения классовых антагонизмов и противоречий, ведущей роли интеллигенции (прежде всего научно-технической) пришли в социал-демократическую традицию значительно позже. Поиск в этом направлении начинается в 1920-е гг., но концептуально доктрина конвергенции оформляется лишь в первой половине 1950-х гг. К пониманию того, что и социализм, и капитализм являются формами существования единой индустриальной цивилизации и, следовательно, неизбежно несут в себе элементы общего, взаимодействуют и влияют друг на друга, практически одновременно пришли многие теоретики, независимо от своих политических ориентаций. Эти идеи высказали Р. Арон, Ф. Хайек, Г. Веттер, З. Бжезинский и др.

В “Завещании” присутствуют многие тезисы и положения, которые не могли возникнуть в 1918 г. Еще не стали реальностью “военный коммунизм”, нэп, попытки экспортировать революцию силами Коминтерна, неудачи социалистических революций в Германии и Венгрии, сталинизм, фашизм, Вторая мировая война, атомное оружие. Идеи краха капитализма и диктатуры пролетариата умирали в социал-демократической среде значительно дольше и болезненнее, чем это представляется сегодня. Еще в 1932 г. (за 6 месяцев до прихода Гитлера к власти) Э. Бернштейн говорил с торжеством о неизбежности скорой победы социализма в Германии. “Завещание” выглядит скорее как вольная и осовремененная интерпретация не-

которых текстов и писем Плеханова последнего года его жизни, дополненная текстами других авторов, написанными значительно позже.

Попробуем теперь рассмотреть проблему подлинности “Завещания” на примере трактовки в нем роли интеллигенции в общественно-политической жизни России периода капитализма. Закономерно возникают вопросы типа: если общеизвестная плехановская трактовка роли интеллигенции отлична от представленной в “Завещании”, существуют ли связи между идеями, оформленными как последние мысли Плеханова, и концепцией интеллигенции, как он ее выстраивал в своих более ранних трудах? Менялся ли образ интеллигенции, созданный Плехановым, под влиянием мнений оппонентов из числа современников? Насколько (как в позитивном, так и в негативном планах) современны мысли Плеханова об интеллигенции? Тексты “Истории русской общественной мысли” и статьи, изданные Д. Рязановым как материалы к ней, позволяют систематизировать высказывания Плеханова об интеллигенции, что и будет сделано ниже.

Но сначала несколько предварительных замечаний. Плеханов не только привнес и утвердил марксистскую традицию в народнический и народовольческий социалистический менталитет. Размышляя о социализме и революции, он искал пути освобождения и эмансипации России в целом, “формулировал единую национальную задачу России”⁴. И в этом заключается общенациональная, культурная ценность его идей, выходящих за рамки теории и практики социал-демократии. Плеханов завершает плеяду русских просветителей-демократов (В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов) – представителей дворянской и разночинной интеллигенции, к которой принадлежал и он сам. Его марксистский социализм – это одна из попыток закончить в интеллигентской среде многолетний спор западников и славянофилов, сторонников модернизации или самобытничества. Осмысливая и реконструируя идейное наследие А.И. Герцена, П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского, Л.Н. Толстого, Плеханов привнес в свои марксистские построения элементы идейной и политической традиции эмансипаторских движений в России. Он “национализировал” марксизм (Л.Д. Троцкий), создал “русскую версию” марксистского социализма, значительное место в котором отвел просветительству, культурному и политическому воспитанию, изменению сознания русской интеллигенции и пролетариата. В просветительстве Плеханова воплотились и те качества демократической традиции, которые связаны с радикально-оппозиционным сознанием и самосознанием русской интеллигенции, выраставшим из ощущения собственной неустойчивости обществом и государством, желания прочувствовать не интересующую ее мнение власть, одержимости абстрактными идеалами, психологии “догоняющего” мировую цивилизацию общества. Плеханов немало сделал и сам для утверждения в менталитете российской интеллигенции представления о русских революциях XX в. как “интеллигентских революциях” (С.Н. Булгаков). Как и “веховцы”, он считал, что именно интеллигенция дала революции идейное оружие, бойцов, агитаторов, пропагандистов, стала “нервами и мозгом гигантского тела революции”⁵.

Кого Плеханов относил к интеллигенции? В его работах нет единого определения: интеллигенция – это и “революционное молодое поколение” (народники)⁶, и “образованные читатели” социалистических изданий⁷, и “мыслящее меньшинство, которому необходимо знать все свойственные массе недостатки, чтобы со временем устранить их”⁸, и “молодое дворянство” (Герцен), и “умственная, следовательно движущая сила государства” (разночинцы и учащая молодежь, включая “самую неразвитую часть студенчества” – семинаристов)⁹. У Плеханова встречается выражение “крепостная интеллигенция”¹⁰. Все эти группы объединяет позиция неприятия действительности, “стремление в корне переделать эту действительность”¹¹. Тяга к преобразованию оформляется в идею социальной миссии интеллигенции, ее призвания возлагать общественные преобразования, увлечь за собой народ в революционную борьбу с правительством.

Просветительство Плеханова, о котором говорилось выше, предопределило его отношение к задачам интеллигенции в преобразовании России, состоящим в равной мере и в формировании идеала, и в претворении его в действительность (средства – идейное руководство и политическое лидерство). Поскольку речь шла о формировании идеалов российского общества, Плеханов, в отличие от большинства своих современников-революционеров, высоко ценил интеллектуальный поиск, усилия просвещенного слоя России обозначить не только цели радикального общественного переустройства, но и его нравственные приоритеты. Разумеется, для Плеханова, прошедшего теоретическую школу народничества и марксизма, интересны далеко не все мыслители. Он проигнорировал нравственные искания русской религиозной философии, идеализма и мистики, не понял Толстого и Достоевского. Сам он остался верен общественным идеалам марксизма и именно с этих позиций осмысливал логику общественной эволюции в России, дополнив марксистскую схему движения России к капитализму и демократии, а затем и к социализму идеей о конститутивной роли политического и государственного моментов в истории России¹². В известном смысле можно говорить о марксистском субъективизме теоретических выкладок Плеханова, обосновывающих для России единственную социально-экономическую перспективу – капитализм западного типа и единственную политическую перспективу – социал-демократическую.

В своих философских построениях русская интеллигенция конца XIX – начала XX веков, “настроившись” на революцию, искала не столько истину, сколько пользу, обоснование и концептуализацию определенных общественных тенденций. Утилитаризации подверглось само понятие “культура”. Из самодостаточного изменения человеческой деятельности она превращалась в практику удовлетворения утилитарных жизненных нужд. Эта установка воплотилась в мировоззренческих ориентациях народничества и русского марксизма, нравственная цель которых – служение материальным интересам “большинства”, “народа”, самопожертвование исключительно ради политико-общественных интересов, подмена нормами равенства и солидарности всего множества разнообразных человеческих потребностей. Иллюстрацией нигилистического отношения к истине могут, в частности, служить знаменитые слова Плеханова: “Успех революции – высший закон”, сказанные в 1903 г. на II съезде РСДРП. Плеханов был готов в те годы ради успеха революции ограничить пространство действия многих демократических принципов, включая принцип всеобщего избирательного права, принцип демократического представительства. Именно он высказал мысль о допустимости разгона революционным пролетариатом демократического парламента. Поэтому разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. навсегда остался в напоминанием о том, как старательно учился Ленин марксизму “по Плеханову”. Политическая эволюция Плеханова, его отход от большевизма, приближение к демократическому идеалу мало что изменили в революционной стратегии русской социал-демократии в целом (как большевизма, так и меньшевизма). То, что Плеханов не принял революционных приемов большевизма, осудил опыт октября 1917 г., говорит о его личной интеллектуальной свободе, о гражданском мужестве, но ничего не меняет в идейной истории русской социал-демократии, не исключает того влияния, которое оказали плехановские представления о революционной интеллигенции на формирование идеологии большевизма.

Важная составляющая темы интеллигенции в творчестве Плеханова – проблема элиты, лидера преобразовательной практики. Первое, что бросается в глаза – это плехановское отношение к массе, народу. С его точки зрения, массы не могут быть сознательными авторами общественных изменений, “действительное движение” осуществляется революционной интеллигенцией. Плеханов осуждает Герцена за то, что тот передает дело преобразования российского общества в руки “молодого дворянства” – образованных представителей правящего класса, но сам он надеялся только на силы социал-демократии, только ейверяя право влиять, организовывать, агитировать, возглавлять пролетариат России. Герцен не верил в историческую самодеятельность народа, субъекты революции для него – интеллигенция и крестьянская община. Плеханов верил исключительно в сознательную самодеятельность пролетариата, однако формирование его социалистического сознания он считал делом революционной интеллигенции.

Таким образом, Плеханов исходил из наставнической роли интеллигенции. Правда, он считал, что по мере обретения рабочими “социалистического сознания” эта роль локализуется и в перспективе сходит на нет. Революционное сознание Плеханов понимал как результат взаимодействия интеллигенции и рабочего движения, а инструментом такого взаимодействия считал марксистскую партию. По сути, он ни разу не усомнился в социалистической направленности движения пролетариата, его способности и воли к осуществлению революции. Вместе с тем он был уверен, что деятельность интеллигенции имеет огромное значение для сокращения продолжительности периода, необходимого для достижения социализма в отсталой России.

Плеханов высоко ценил роль интеллигенции в истории России как революционной, интеллектуальной и нравственной силы, но был убежден, что без революционной деятельности масс и прежде всего пролетариата она никогда не сможет добиться осуществления своих идеалов. Отсюда вытекали его крайне отрицательное отношение к теории “героев и толпы” и взгляд на выдающихся личностей лишь как на выразителей и исполнителей воли общественных классов, за которыми стоят те или иные объективные тенденции социально-экономического развития. Характерно, в частности, что после раскола РСДРП Плеханов безжалостно критиковал созданный Лениным культ “профессиональных революционеров”, которые, по ленинской логике, в условиях России в основном и представляли подлинно революционную интеллигенцию. В этот период, кстати говоря, он уже более высоко оценивал и способность рабочих своими собственными силами прийти к осознанию того, что их будущее связано с социализмом. Поэтому настойчиво подчеркиваемая в тексте “Политического завещания” мысль о том, что интеллигенция в близком будущем может и должна обогнать пролетариат по степени своего политического влияния на жизнь общества, представляется для Плеханова последнего периода его жизни по меньшей мере спорной, чтобы не сказать чуждой ему.

Конечно, социал-демократия в России жила не только идеями Плеханова. Однако именно он очертил контуры марксистского будущего страны на рубеже XIX–XX вв. Социал-демократическая интеллигенция питалась его уверенностью в правоте собственного дела, в неизбежности провозглашенных целей, в моральном превосходстве над всеми остальными революционерами. За свое высокомерие она заплатила сполна трагедиями русских революций. Такая же участь выпала, однако, и на долю той части русской ин-

телигенции, которая вовсе не обещала обществу социалистического рая. Крах интеллигенции как интеллектуального лидера и субъекта поступательного демократического развития России был связан с ее зависимостью от “гнетущей власти политики” (Н. Бердяев), с пренебрежением своим социальным предназначением – хранить и приумножать универсальные ценности цивилизации. Еще трагичнее выглядит исторический опыт русской интеллигенции, если учесть, что, культивируя свои преобразовательные амбиции, она всегда следовала логике “отщепенства” (П. Струве) – антигосударственности в самом широком смысле этого слова¹³. Интеллигенция, воспитанная Плехановым, занималась не воспитанием народа, а рекрутированию класса (или его иллюзии). Революционный максимализм мешал неидеологизированному восприятию исторических реалий и научных знаний, убивал тягу к образованию.

Но при всем этом многие русские революционеры отличались исключительной силой духа. Они вышли за границы, заданные интеллектуально и практически ими же самими. В их числе при всей своей односторонности был и Плеханов, которому не был чужд пафос объективности. Он и возбладал в его анализе опыта пред- и послеоктябрьской России. В своих социальных и политических взглядах Плеханов исходил из стремления понять мир. И если действительность расходилась с его политическими и партийными взглядами, он отдавал преимущество реальному видению фактов. Так было в вопросах о войне, о союзе либералов и социалистов, о судьбах большевизма. Недаром С.А. Котляревский в сборнике “Из глубины” отнес Плеханова к революционной аристократии¹⁴.

Но нельзя забывать о том, что по существу “Вехи” – манифест и программа общественной жизни русской интеллигенции, осудившей практику Первой российской революции, были направлены прежде всего против видения задач русской интеллигенции, утвердившегося благодаря Плеханову. История революций в России показала, что принижение духовного начала, замена безусловных критериев культуры, воспитания и самовоспитания людей временными, преходящими критериями непосредственного участия в политической борьбе привели к масштабному разрушению интеллигентского мироздания. Революционные катаклизмы в общественной жизни России в XX в. подорвали революционную экзальтированность интеллигенции, ее убежденность в том, что нет иного пути общественных трансформаций, кроме социальной революции и разрушения существующих общественных форм. Современная интеллигенция снова стоит перед выбором реалистического пути и конкретных форм служения истине, красоте, добру. Конечно, многие ее представители уже не видят себя спасителями народа, его трудящихся слоев.

Выступая против политического максимализма, часть российской интеллигенции буднично работает сегодня в лабораториях, за письменным столом, в библиотеках, на сцене, т.е. занимается “своим делом”, принося огромную пользу обществу. Но мы сталкиваемся с тем фактом, что интеллигенция все чаще присваивает себе монополию на суждение об истинности всех фрагментов национальной картины мира. Она непомерно раздвигает границы манипулирования общественным мнением, предлагает политике все новые и новые способы и приемы мифологизации общества, власти. Снова возрождается и миф об исключительной роли интеллигенции в современной российской истории и политике. Одним из примеров можно считать и текст “Политического завещания” Плеханова. Поэтому актуальным для представителей интеллектуального труда снова становится предостережение: не дать загонять себя в прокрустово ложе политических лозунгов как прошлого, так и настоящего, не позволять политике манипулировать истинами...

**Е.Л. Петренко, доктор философских наук
(Академия государственной службы при Президенте РФ)**

Примечания

¹ См.: Независимая газета. 1999. 30 ноября. Публикация сопровождалась комментариями хранителя документа – нашего соотечественника Н.И. Нижегородцева, директора Дома-музея Плеханова в Липецке А.С. Бережанского и тогдашнего главного редактора “Независимой газеты” В.Т. Третьякова. Полемика о подлинности “Завещания” была продолжена (см.: Попов Г.Х. Г.В. Плеханов и его “Политическое завещание” // Независимая газета. 2000. 1 марта; Петренко Е., Тютюкин С., Филимонова Т., Чернобаев А. Существовало ли “Завещание”? // Там же. 2000. 4 марта; “Завещание” Плеханова // Свободная мысль. 2000. № 6; Еще раз о “Политическом завещании” Плеханова // Отечественная история. 2001. № 6 и др.).

² Независимая газета. 2000. 1 марта.

³ Там же. 1999. 30 ноября. С. 10.

⁴ Потресов А.Н. Историческая роль Плеханова // Дело. № 11–12. 1918. 26 июня (13 июля).

⁵ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 33. Не случайно Плеханов не собирался полемизировать с “Вехами” в оценках роли интеллигенции в Первой русской революции, предполагая выступить только против их религиозных исканий (задуманная серия статей не была написана).

⁶ Плеханов Г.В. Соч. в 24-х т. М.; Л., 1923–1928. Т. IX. С. 14.

⁷ Там же. Т. I. С. 147.

⁸ Там же. Т. V. С. 344.

⁹ Там же. Т. XXIII. С. 341, 342, 343.

¹⁰ Там же. С. 294.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² А.Н. Потресов как-то заметил, что “призрак мировой революции уничтожил для России всю концепцию революции буржуазной” (Потресов А.Н. Памяти Плеханова: к десятилетию со дня его смерти // Дни. 1928. 30 марта). Плеханов же как раз и стремился сохранить в сознании российской интеллигенции идею неизбежности и необходимости демократических преобразований в России во имя социалистической перспективы.

¹³ См.: Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 157–161.

¹⁴ Котляревский С.А. Оздоровление // Там же. С. 393.

СОДЕРЖАНИЕ

Соколов А.Б. (Ярославль) – “Очаковское дело”. Англо-российский конфликт 1791 года	3
Вишленкова Е.А. (Казань) – Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года.....	22
Иванов А.Е. – Студенческая “самопомощь” в высшей школе Российской империи. Конец XIX – начало XX века	35
Бартеле Т.М., Шалда В.А. (Республика Латвия) – Латыши в Москве. Вторая половина XIX века – 1917 год.....	50
Из истории современности	
Пихоя Р.Г. – Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментарий историка	64
Исторические портреты	
Романовский В.К. (Нижний Новгород) – Николай Васильевич Устрялов	79
Историческая публицистика	
Медведев Р.А. – Русский вопрос по Солженицыну	100
Историография, источниковедение, методы исторического исследования	
Верещагин А.С. (Уфа). – Некоторые новые тенденции в изучении башкирского национального движения в годы Гражданской войны	116
Вовина-Лебедева В.Г. (Санкт-Петербург). – К вопросу о методах исследования нарративных текстов	124
Сенявская Е.С. – Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки	135
Свалов А.Н. – Новый “Исторический архив”.....	145
Воспоминания и сообщения	
Июффе Г.З. (Канада). – Финал советской историографии (как мы не написали последнюю “Историю КПСС”).....	151
Беленкин Б.И., Леонтьев Я.В. – “Черная тень революции” (атаманша Маруся Никифорова).....	169
Критика и библиография	
Комиссаренко А.И. – Г.В. Талина. Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества в начальный период становления абсолютизма в России (1645–1682 гг.)	179
Юркин И.Н. (Тула) – Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.....	181
Гринев А.В. (Санкт-Петербург). – А.Ю. Петров. Образование Российско-Американской компании	183
Георгиев В.А. – В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин	186
Аврус А.И. (Саратов) – Н.А. Троицкий. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг.	190
Гагагова Л.С. – В.А. Тишков. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны	192
Хормач И.А., Новик Ф.И. – А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. В 2 т.	195
Орлов И.Б., Телицын В.Л. – Историк среди историков. Сборник воспоминаний и статей.....	197
Письмо в редакцию	
Петренко Е.Л. – И снова о “Политическом завещании” Плеханова	200

Научная жизнь

Рудая Е.Н. – Институт Российской истории РАН в 2001 году.....	206
Лузин Д.Ю. (Архангельск) – Международная конференция “Война в Арктике. 1939–1945”	210
Докторские диссертации по отечественной истории	213
Новые книги по отечественной истории	214
Новые поступления зарубежной литературы по отечественной истории	218
Памяти А.М. Станиславской	219
Памяти В.Г. Тюкавкина	220

CONTENTS

Sokolov A.B. (Yaroslavl) – The “Ochakov Case”. The Anglo-Russian Conflict of 1791	3
Vishlenkova Ye.A. (Kazan). – The Inspector General, or a University Inspection Case of 1819	22
Ivanov A.Ye. – Student’s Self-Help in the Higher Education Establishments of the Russian Empire. The Late XIXth – Early XXth Centuries.....	35
Bartele T.M., Shalda V.A. (The Republic of Latvia) – Latvians in Moscow. The Second Half of the XIXth Century – 1917	50

From the History of the Present Time

Pikhoya R.G. – The Constitution–Political Crisis of 1993 in Russia: The Chronicle of Events and a Commentary by a Historian.....	64

Historic Portraits

Romanovsky V.K. (Nizhny Novgorod) – Nickolai Vassilievich Ustryalov	79

Historic Journalism

Medvedev R.A. – The Russian Issue As Viewed by A. Solzhenitsyn	100

Historiography, Source Studies, Methods of Historic Research

Vereshchagin A.S. (Ufa) – New Tendencies in Viewing the Bashkir National Movement during the Civil War ...	116
Vovina-Lebedeva V.G. (St. Petersburg) – Concerning the Methods of Analysing Narrative Texts	124
Senyavskaya Ye.S. – The Military History Anthropology as a New Branch of the Historic Science.....	135
Svalov A.N. – The New “Historic Archives”.....	145

Recollections and Deliberations

Ioffe G.Z. (Canada) – The Finale of the Soviet Historiography (How We Failed to Write the Last “CPSU History”)	151
Belenkin B.I., Leontiev Ya.V. – The “Dark Shadow of the Revolution” (The Female Ataman Marussya Nikiforova).....	169

Criticism and Bibliography

Komissarenko A.I. – G.V. Talina. State Power and the Systems of Adjusting the Socio-Official Position of High-Society Figures in the Early Period of Russian Absolutism (1645–82).....	179
Yurkin I.N. (Tula) – The Iron and Steel Works of the Urals in the XVIIth – XXth Centuries. The Encyclopaedia.	181